

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационное исследование Хагажеева Мирбека Аслановича «Горские словесные суды Кубанской и Терской областей в судебной системе Российской империи в 1871–1918 гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Научная актуальность диссертационного исследования Мирбека Аслановича Хагажеева не вызывает никаких сомнений. Исследование судебно-административной политики Российской империи на окраинах, в пространстве различных регионов является респектабельным научным направлением, в рамках которого регулярно публикуются новые работы как российских, так и зарубежных исследователей¹. По своей тематике исследование М.А. Хагажеева во многом уникально, диссертация заполняет большую историографическую лакуну.

Дело в том, что история Кавказского края в составе Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. изучена неравномерно. Некоторые темы, такие как экономическое развитие, национальный вопрос, события 1905–1907 гг. были основательно рассмотрены в историографии². Менее известны проекты преобразования институтов военно-народного управления, в том числе горских судов, действовавших с начала 1870-х гг. в Кубанской, Терской, Карсской, Батумской, Дагестанской областях, а также в Закатальском округе. Работа этих судебных институтов регламентировалась многочисленными законодательными актами и административными инструкциями³. Для Кубанской и Терской областей основным нормативным документом были «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», утвержденные 18

¹ См. например: Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в.: к 150-летию образования Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи 1867–2017. М.: РОССПЭН, 2018; Круз Р. За Пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020; Верняев И.И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб: Издательство СПбГУ, 2021; Кирмзе Ш.Б. Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998; Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005; Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 3 (35) / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2006. С. 87–106; Флоринский М.Ф. Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905–1914 гг. // Центр и регионы в истории России: Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия: Сборник научных статей / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2010. С. 377–390.

³ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2. С. 8–9.

декабря 1870 г. кавказским наместником великим князем Михаилом Николаевичем⁴. В Дагестанской области деятельность горских судов была упорядочена «Проектом положения об управлении Дагестанской области», утвержденным 5 апреля 1860 г. кавказским наместником А.И. Барятинским⁵. Выделенным из Дагестанской области Закатальским округом управляли на основании «дагестанского» положения. Суды Батумской и Карсской областей функционировали в соответствии с «Временным положением об управлении Батумской областью» от 20 сентября 1878 г., нормативное содержание которого было повторено во «Временном положении об управлении Карсской областью» от 27 октября 1878 г.⁶

Судебные учреждения, основанные на применении норм адата (обычного права) и включавшие в свой состав выборных депутатов из местного населения, именовались различно в зависимости от их административного расположения. В Кубанской и Терской областях они были известны как горские словесные суды, в Дагестанской, Батумской, Карсской областях и Закатальском округе их именовали окружными словесными судами. Для их обозначения в Батумской области использовали термин меджлисы, или народные суды. Последнее название зачастую употреблялось для всех подобных институтов без различия административных границ. Всего под действием судебной власти, представленной горскими судами, находилось около 1,7 млн человек при общей численности населения Кавказского края в 9,3 млн человек.

Все это наглядно показывает значение и масштаб диссертационного исследования М.А. Хагажеева, посвященного специальному и комплексному анализу горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг. Кроме того, подобная работа уже по замыслу может претендовать на статус значимого историографического события, тем более, что речь идет о судебно-административном институте, находившимся в непосредственном контакте с местным населением. Именно здесь в горских словесных судах значительная часть населения Северного Кавказа взаимодействовала с имперской администрацией, представленной как назначенными чиновниками, так и выборными судьями.

Структура диссертация последовательна и логична. Работа включает введение, три главы, заключение, а также список использованной литературы и источников. Во вводной части работы представлены все необходимые элементы. Актуальность исследования

⁴ Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891. С. 232–242; Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Нальчик, 2016. С. 180–190.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 434–437.

⁶ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. II. Тифлис, 1907. С. 287.

сформулирована подробно, столь же обстоятельно представлено обоснование хронологических и географических рамок исследования. В историографическом разделе диссертант демонстрирует хорошее владение научной информацией по исследуемой тематике и общую исследовательскую эрудицию.

Однако некоторые позиции введения, на наш взгляд, требуют дополнительных уточнений. Среди источников отсутствует важная записка Г.Г. Евангулова о судоустройстве и судопроизводстве на Кавказе, составленная по просьбе Н.М. Рейнке в 1910 г. Перед отъездом в Тифлис, Н.М. Рейнке просит известного на Кавказе общественного деятеля и влиятельного публициста Г.Г. Евангулова, который в то время жил в столице, прислать свое мнение о судебных проблемах края и способах их разрешения. Г.Г. Евангулов составил для Н.М. Рейнке обстоятельную записку, в которой дал обзор не только порокам судопроизводства, но и многим другим проблемам управления на южной окраине Российского государства. Н.М. Рейнке внимательно ознакомился с присланными заметками, об этом свидетельствуют многочисленные подчеркивания и пометы, сделанные им в тексте документа⁷.

Г.Г. Евангулов, в отличие от многих современников, усматривал основную проблему устройства судопроизводства на Кавказе не в институтах, а в кадрах. «Главный недостаток кавказского суда заключается, по-моему, не в его устройстве и не в законах, на основании которых он действует, а в личном его составе. Плох на Кавказе не суд, а судья, оторванный от населения, чуждый ему, не знающий его понятий и даже не понимающий его языка. Суд на Кавказе производится через переводчика, а этим все сказано»⁸, - отмечал он в самом начале своей записки. Такое положение сделало главным лицом переводчика, а не судью, что, как отмечал Г.Г. Евангулов, открыло простор для многочисленных и разнообразных злоупотреблений.

Автор записки предлагал ввести экзамен на знание местных языков для чиновников, претендующих на место судей, а также вернуться к практике широкого привлечения местных уроженцев к управлению Кавказом. Г.Г. Евангулов сослался на положительный пример первого кавказского наместника М.С. Воронцова (1844–1854), в администрации которого было много представителей местных элит. Кризис судебно-административных институтов края Г.Г. Евангулов связывал с «курсом на обрусение», взятым правительством с начала 1880-х гг.: «Туземцы оказываются, очевидно непригодными для этой цели и постепенно изгоняются с Кавказа. Чиновничество

⁷ РГИА. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 5.

⁸ Там же. Л. 1.

комплектуется исключительно из пришлого элемента – русских и поляков»⁹, - отмечено в заметках для Н.М. Рейнке.

Наиболее примечательно однозначно негативное отношение Г.Г. Евангулова к введению на Кавказе суда присяжных, которое он считал преждевременным: «Непреодолимым в моих представлениях препятствием к введению на Кавказе суда присяжных является недостаточное пока знание в народных массах русского языка»¹⁰. Г.Г. Евангулов предупреждал Н.М. Рейнке о том, что тот получит массу ходатайств общественности о немедленном учреждении на Кавказе суда присяжных и заранее предостерегал от подобных обещаний. Вместо суда присяжных Г.Г. Евангулов предлагал учредить институт шеффенов (от нем. *Schöffen* – заседатели) – присяжных заседателей особого состава, которые в числе трех человек пополняют состав окружного суда и совместно с коронными окружными судьями определяют вину и наказание. По мысли автора записки, шеффены смогли бы приблизить суд к нуждам и потребностям местного населения и не стали бы большой обузой для казны. Предложение об учреждении института шеффенов звучало и ранее. Еще 1907 г. эта мысль была высказана наместником И.И. Воронцовом-Дашковым во «Всепоподданнейшей записке по управлению Кавказским краем»¹¹.

Об устройстве горских судов (и о системе военно-народного управления в целом) Г.Г. Евангулов отзывался как об отжившем свой век анахронизме. Использование адата в работе судебных учреждений он прокомментировал несколькими курьезами, как например разбор дела по нормам обычного права о рассрочке платежа на приобретение швейной машинки Зингера¹². Вместо горских судов Г.Г. Евангулов предложил учредить дополнительные окружные суды в Петровске (совр. Махачкала), Александрополе (совр. Гюмри) и Батуме (совр. Батуми)¹³. По мнению Г.Г. Евангулова, учреждение новых окружных судов не привело бы к большим финансовым издержкам при условии одновременного введения шеффенов и отмены апелляции по уголовным делам в Тифлисскую судебную палату, что позволило бы уволить большую часть ее сотрудников¹⁴.

Очевидно, что рассмотрение этой записки Г.Г. Евангулова могло бы не только усилить содержание диссертации М.А. Хагажеева, но и способствовало бы

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Всепоподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 132.

¹² РГИА. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же.

формулированию более общих выводов в заключении исследования. Эта записка Г.Г. Евангулова недавно была опубликована¹⁵. Здесь же надо отметить, что за пределами внимания диссертанта оказался и резонансный доклад Г.Г. Евангулова о проекте судебной реформы на Кавказе, прочитанный в заседании Кавказского юридического общества 23 декабря 1900 г. и вскоре изданный отдельной брошюрой¹⁶.

В целом, обзор источников выполнен вполне профессионально, но в формальном ключе. М.А. Хагажеев грамотно систематизировал документальный материал, но почти полностью отказался от непосредственного анализа его информационных возможностей и пределов использования. Подробно во вводной части описана и методология исследования. Диссертант отдельно указывает на актуальность использования сравнительно-исторического метода, но не поясняет, какую именно научную проблему удалось (или планировалось) решить с его помощью. Известно, что историческое сравнение как способ расширения контекста ценно только в случае нацеленности на поиск решения проблемной исследовательской ситуации, когда другие способы ее разрешения не дали удовлетворительного результата.

Основное содержание диссертационного исследования М.А. Хагажеева последовательно и логично. Структура, названия и последовательность глав диссертации не вызывают сомнений. Отличительной чертой исследования является опора на широкий документальный материал из различных российских архивохранилищ, а также содержательный диалог с историографической традицией, представленный на протяжении всего текста диссертации. Это очень сильная сторона диссертационного исследования.

Первая глава исследования «Горские словесные суды Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг.: учреждение и особенности организации деятельности» посвящена детальному обзору устройства функционирования исследуемых судебно-административных институтов. Особенно значимыми представляются наблюдения диссертанта об организационной структуре горских словесных судов и экстерриториальности их дискреции. Диссертант отмечает, что основу судопроизводства в горских словесных судах Кубанской и Терской областей составляли нормы обычного права коренных народов и нормы мусульманского права, которые «могли применяться в их правоприменительной практике только в той форме, в которой это не противоречило действовавшему на тот момент российскому законодательству» (с. 44). Вместе с тем, этот

¹⁵ Окраины России в позднеимперскую эпоху: Политика правительства и национальные проекты: сборник статей, документов и материалов / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. С. 188–224.

¹⁶ Евангулов Г.Г. Проект судебной реформы на Кавказе. Тифлис, 1901.

принцип был характерен для российской администрации еще со времен присоединения Восточной Грузии в 1801 г.

Вторая глава диссертационного исследования «Общие тенденции и локальные особенности деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг.» является подробным аналитическим описанием разнообразия функций горских словесных судов. Интересны наблюдения М.А. Хагажеева о динамике включения и исключения дел, рассматриваемых в пространстве исследуемых институтов. Это наводит на размышления об общей динамике и степени интеграции различных сообществ Северного Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи. Большое научное значение имеют выводы диссертанта о расширенной компетенция горских словесных судов Кубанской и Терской областей, которая ограничивалась уголовными и гражданскими делами, но включала разрешение вопросов, связанных с опекуном и религиозными спорами. Это может говорить о словесных судах не только как об утилитарных судебно-административных учреждениях, но и как о своеобразных институтах самоорганизации местного населения, находящихся на границе административно-политической и общественной сфер.

В третьей главе диссертационного исследования «Особенности внешней коммуникации и признаки кризиса в деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг.» комплексно и подробно рассмотрено место исследуемых институтов в региональной административной системе и социальном пространстве Северного Кавказа. Здесь диссертант подтверждает и расширяет известный по историографии вывод о неопределенности положения горских словесных судов в отношении с другими судебно-правовыми и административными институтами. Как известно, полномочия и функции горских судов определялись инструкциями, а не законодательством, что свидетельствовало об их временном статусе в представлениях российской имперской администрации. Большую ценность имеет подробное описание материально-финансового обеспечения деятельности горских судов, представленное в диссертации М.А. Хагажеева. Диссертант эффективно развивает идеи и исследовательские направления, уже представленные в историографии.

В качестве примера можно отметить описание роли съездов доверенных в процессе определения состава горских словесных судов, на этот сюжет обратил внимание Д.Н. Прасолов в своей монографии¹⁷.

¹⁷ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 2019.

В этой же главе диссертант показывает палитру мнений об эффективности горских словесных судов и дискуссии вокруг их деятельности в начале XX в. Это свидетельствует о том, что обсуждение путей реформирования регионального судоустройства занимало видное место в публичной сфере Северного Кавказа в этот период. В заключении суммированы и обобщены итоги диссертационного исследования.

Диссертация М.А. Хагажеева, в целом, оставляет благоприятное впечатление. Автору удалось комплексно на широком документальном материале реконструировать историю формирования и функционирования горских словесных судов Кубанской и Терской областей. Диссертант продемонстрировал навыки профессиональной работы с историческими источниками и историографией, научного обобщения разнообразной информации и формулирования концептуальных положений.

Вместе с тем, работа не лишена недостатков, среди которых отметим следующие:

1. В диссертации подробно прослежены изменения в организации работы горских словесных судов на Кубани и Тереке, однако общая структура управления Кавказским краем оказывается застывшей в 1871 г. Диссертант не замечает упразднения Кавказского наместничества в 1881 г. и зачастую упоминает наместника и главноначальствующего на Кавказе как институты, существовавшие одновременно (с. 47–48). Между тем, не проясненным остался вопрос о влиянии на деятельность горских словесных судов изменений в главном управлении региона, происходивших на протяжении второй половины XIX – начале XX в. Кроме того, именно от позиции главы региональной администрации могло зависеть направление судебно-административных преобразований. Как известно, предпоследний кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков был последовательным сторонником судебно-административной реформы на Кавказе. Еще в 1907 г. он указывал на то, что система военно-народного управления, которая существовала в Дагестанской, Карсской, Батумской областях, а также в Сухумском и Закатальском округах, «в настоящее время совершенно не отвечает ни общим государственным задачам, ни потребностям населения»¹⁸. Наместник предлагал заменить институты военно-народного управления на губернское управление по образцу внутренних российских губерний. Настаивал И.И. Воронцов-Дашков и на отделении суда и администрации, смычка которых в горском суде приводила к массовым

¹⁸ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 123.

злоупотреблениям¹⁹. В отличие от Г.Г. Евангулова, наместник занимал более либеральную позицию и выступал за распространение суда присяжных в пространстве всего Кавказского края и указывал, что эта форма судопроизводства будет способствовать «укреплению в местном населении начал общерусского правосознания и таким образом будет содействовать теснейшему объединению Кавказа с центральной Россией»²⁰. Отсутствует в диссертации и анализ важного сюжета, связанного с дискуссиями об организации земства на Кавказе и его активном обсуждении в начале XX в., в том числе в годы наместничества великого князя Николая Николаевича.

2. В диссертации артикулировано спорное противопоставление российских офицеров, занимавших наиболее значимые административные должности, и представителей местного населения, которые, как отмечает диссертант, занимали «подчиненные» должности (с. 72). В действительности, среди российских офицеров-администраторов было много местных уроженцев. Примером может служить начальник Нальчикского округа в 1911–1917 гг. подполковник С.К. Клишбиев, который происходил из кабардинских узденей. Младшим помощником начальника округа в это же время являлся капитан Б.С. Мамышев, также происходивший из кабардинских узденей²¹.
3. Некоторые фрагменты диссертации написаны в тяжеловесном стиле. Отдельные предложения не вполне понятны, даже после повторного прочтения. Встречаются досадные опечатки, так, например, Екатеринодарский окружной суд был назван Екатеридаарским (с. 43) и т.п.

Указанные замечания не влияют на общую позитивную оценку диссертационного исследования, которое следует признать новаторским для российского исторического кавказоведения, а также вносящим существенный вклад в расширение научных исторических представлений об особенностях организации судебно-административной системы на Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.

Диссертация М.А. Хагажеева прошла успешную апробацию, предусмотренную требованиями действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней. Автореферат отражает содержание диссертации и включает список научных работ автора.

Все это позволяет утверждать, что диссертация М.А. Хагажеева «Горские словесные суды Кубанской и Терской областей в судебной системе Российской империи в 1871–1918

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 135–136.

²¹ УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 910. Л. 61об.

гг.» является самостоятельным, завершенным научным исследованием, соответствующим п.п. 9 и 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г. (в действующей редакции), а его автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Кандидат исторических наук
(5.6.1. – Отечественная история),
доцент факультета истории
Автономной некоммерческой образовательной
организации высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Амиран Тариелович Урушадзе

Подпись А.Т. Урушадзе заверяю:

01.12.2025

/Смелик А.П.
ассистент ректора

Контактная информация:

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге». 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская
ул., 6/1А
тел.: +7 (812) 386-76-37,
факс: +7 (812) 386-76-39
email: rectors_office@eu.spb.ru